

УДК 159.92+378

UDC 159.92+378

ДИСКУРС ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

DISCOURSE OF TOLERANCE AND PRACTICE OF MODERN EDUCATION

М. М. Бафаев,

*кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой психологии
Ташкентского государственного
педагогического университета им. Низами;*

А. А. Полонников,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии образования Института психологии
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка;*

Н. Д. Корчалова,

*заведующий научно-образовательной
лабораторией психологии познавательных
процессов Института психологии Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

M. Bafaev,

*PhD in Psychology, Associate Professor
of the Department of Psychology,
Tashkent State Pedagogical University
named after Nizami;*

A. Polonnikov,

*PhD in Psychology, Associate Professor
of the Department of Psychology of Education,
Institute of Psychology, Belarusian State
Pedagogical University named after Maxim Tank;*

N. Korchalova,

*Head of the Scientific-Educational
Laboratory of Psychology of Cognitive
Processes, Institute of Psychology,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 12.01.23.

Received on 12.01.23.

Статья посвящена одной из актуальнейших проблем современности – условиям развития в высшем образовании отношений толерантности и сотрудничества. В своем исследовании авторы исходят из положения о происходящем в настоящее время социокультурном сдвиге, влекущем за собой радикальные изменения жизненной реальности. Важнейшее из этих изменений – артификация всех отношений действительности, в том числе и связей индивида с другим и самим собой. Человек вступает в гетерономный и гетерохромный мир, ориентация в котором составляет искомое актуальных инновационных гуманитарных исследований и образовательных практик. Последние соотносятся с местом разработки и внедрения обновленного психологического механизма толерантного социального взаимодействия. Основные положения статьи являются частью обоснования белорусско-узбекского исследовательского проекта, направленного на разработку новых содержаний психолого-педагогической подготовки в университете.

Ключевые слова: образовательная толерантность, реконтекстуализация, самореферентность, цифровая реальность, дискурсивная личность.

The article is devoted to one of the most urgent problems of our time - the conditions of development of tolerance and cooperation relations in higher education. In their study the authors proceed from the position of the current socio-cultural shift, which entails radical changes in the reality of life. The most important of these changes is the artification of all relations of reality, including the relationship of the individual with the other and himself. An individual enters a heteronomous and heterochromatic world, the orientation in which constitutes the quest of actual innovative humanitarian research and educational practices. The latter are consistent with the place of development and implementation of the updated psychological mechanism of tolerant social interaction. The main provisions of the article are part of the rationale of the Belarusian-Uzbek research project aimed at developing new contents of psychological and pedagogical training at the university.

Keywords: educational tolerance, recontextualization, amoreferentiality, digital reality, discursive personality.

Введение. Эпистемологические контексты толерантности

Одним из направлений совершенствования современного высшего образования является его гуманизация. Речь идет не столько о насыщении содержания обучения человекообразными контентом, что, как правило, соотносится с его гуманитаризацией, сколько о гуманизации характера образовательного взаимодействия. Это подразумевает утверждение в высшей школе па-

ритетности позиций преподавателей и студентов, преодоление императивности обучения и его диалогизацию. Или, иначе, гуманизация может быть представлена в терминах толерантности как утверждения демократических принципов в межличностных и межгрупповых отношениях [1, с. 44].

Резкий рост интереса к феномену толерантности, наблюдаемый в гуманитарных науках, как показывают исследования, обусловлен взрывом

коммуникации¹, становлением «мировой деревни»², глобализацией³ и глокализацией⁴, возникновением качественно новых проблем, инспирированных модификацией социальной реальности как таковой⁵. Проблемы в области толерантных отношений проявлялись и в другие эпохи, однако интенсификация разнокачественных взаимодействий последнего времени переместила их в центр общественного внимания. Данная ситуация, разумеется, требует отдельного исследования. Для нашего анализа принципиальное значение имеет то обстоятельство, что кибертрансформации социальной реальности начинают оказывать влияние на изменение значения толерантности. То, что ранее было выводимо из психологических особенностей и состояний индивида и связывалось с условиями социализации или индивидуального травматического опыта, сегодня обнаруживает свои истоки в анонимных массмедиаальных воздействиях, превращенных формах социокультурной динамики.

Одним из следствий отмеченных нами обстоятельств становится необходимость дифференциации проблемного поля гуманитарных разработок и связанных с ними научных словарей. Анализ дискурса толерантности в психолого-педагогических науках, осуществленный одним из авторов данного текста, показывает, что в настоящее время его содержание предстает как «сложный, многоаспектный, многокомпонентный и неоднородный феномен, который невозможно описать в одном измерении» [1, с. 45]. В исследовательском плане все более ощутимой становится ситуация, с которой столкнулся Л. Витгенштейн в своих попытках интегрированного описания феномена игры⁶. Следуя за ним, современный дискурс толерантности можно представить как семейное сходство или понятийную сеть, объединяющую

множественность разнокачественных гуманитарных практик, обусловленных в каждом конкретном случае «особенностями момента». При этом каждый элемент сети толерантности способен создавать отличную от других и изменчивую «конечную область значений»⁷, избегающих тотализации. О том, что эти области порой неконгруэнтны, свидетельствует, например, несовпадение значений толерантности в гендерных отношениях сообществ «востока» и «запада». Каждая из них может принадлежать разным ячейкам сети, обращение с которыми не может осуществляться путем их простого отождествления.

Когда же мы ведем речь о гуманизации образования и заключаем при этом, что комплементарные связи в обучении выступают одним из источников толерантного поведения, то, кроме отмеченных выше социокультурных обстоятельств, не можем не учитывать и того, что само образование подчинено воздействию имманентных ему контрверсионных правил, которые реализуются его участниками на латентном уровне учебного взаимодействия.

Опыт толерантности в обучении проверяется на прочность в области паритетности взаимодействующих позиций. В профессиональной подготовке нельзя не учитывать того, что освоение необходимых компетенций предполагает обращение к целому ряду внеопытных для учащегося значений, составляющих содержания преподавания. Речь идет о приобретении студентом чуждого ему опыта, моделируемого структурой учебного предмета. Даже если предположить, что учащийся способен самостоятельно извлечь ряд необходимых профессиональных контентов путем самообразования, за преподавателем остается область методических умений, создающих позиционную иерархию. Это означает, что само устройство учебного процесса продуцирует неравенство и содержит в себе объективное противоречие, проявляющееся в двойном кодировании учебной информации. Педагог может проповедовать в лекционном курсе ценности толерантности, действуя вполне императивно. Мы оказываемся перед необходимостью прислушаться к давнему методологическому замечанию ученых Амстердамского Свободного университета Ж. Карпея и Д. ван Урса о том, что «учащиеся и учителя равны в своей человеческой сущности, но не в конкретном существовании. За любой дискурсивной практикой в обучении лежит не только целостность, но и асимметрия» [9, с. 24]. Согласие с приведенным нами определением современной социокультурной ситуации и утверждением нидерландских психологов означает необходимость образовательной спецификации категории толерантность, а также прояснения механизма ее формирования в профессиональной подготовке.

¹ Тематическое поле гуманитарных исследований все чаще определяется вопросами, связанными с развитием виртуального мира и интернационализацией информации, характером изменения интеллектуальных технологий, а также проблемами междисциплинарности и эпистемологических трансформаций [2, р. 434].

² Речь идет о росте взаимозависимости стран и народов [3, с. 33].

³ Глобализация, согласно определению Э. Гидденса, все больше выступает как «результат взаимодействия политических, социальных, культурных и экономических факторов. Не говоря уже о том, что ее развитию в значительной степени способствовало внедрение целого ряда информационных и коммуникационных технологий, которые дали людям во всем мире возможность поддерживать оперативную связь друг с другом, находясь в разных частях земного шара» [4, с. 57].

⁴ Термин, предложенный З. Бауманом, раскрывающий неразрывное единство между тенденциями к «глобализации» и «локализации» [5, с. 102].

⁵ В данном случае речь идет не о включении тех или иных содержаний в описание существующей социальной реальности, а о ее качественном преобразовании, связанном с наступлением цифровой эпохи [6, р. 88].

⁶ Витгенштейн, столкнувшись с невозможностью построения субстантивного определения игры, пишет: «Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их "семейными сходствами", ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п. И я скажу, что "игры" образуют семью» [7, с. 21].

⁷ Конечная область значений, согласно определению А. Шюца, представляет собой относительно автономную знаково-символическую среду, конституирующую субъективные состояния человека, ракурсы его восприятия, отношения к внешнему миру, другому и самому себе, характер коммуникации и социального действия [8, с. 424–425].

Дискурс толерантности: исследование и образование

Для контекстуализации специфики образовательной толерантности (что составляет ближайшую перспективу осуществляемого нами теоретического исследования) обратимся к анализу современных вариантов ее полагания. В ряде источников мы находим сведения о том, что идея толерантности в качестве философской концепции была выдвинута немецким теологом Николаем Кузанским еще в XV в. [10, с. 34; 11, р. 1181]. Потрясенный резней в Константинополе, возникшей на религиозной почве, Николай Кузанский, возможно, одним из первых поставил вопрос о решении проблемы социальной нетерпимости. Ее корни он находил в непросвещенности своих современников, в том, что «немногие из них имеют достаточно досуга, чтобы, пользуясь собственной свободой суждения, достичь знания самих себя» [12, с. 30]. Тем самым Кузанский устанавливал тесную связь между социальным действием и мировоззрением. Заметим попутно, что в его концепции эта связь соотнобразится не со знанием других людей, их этнокультурных особенностей или навыков общения. Самоотношение – ключ к толерантному сознанию и поведению. Речь идет не о терпимом или попустительском отношении к самому себе, а особой самоограничительной установке. Автор идеи полагал, что просвещенное самосознание (знание) человека выступит гарантией толерантности, нормализует отношения с другими. Психологический механизм толерантного поведения, провозглашенного Кузанским, включал в свое устройство презумпцию универсального (общего для всех) абсолюта – Бога в качестве базового условия согласия вер. В нем – в Боге – «начало множественности, [порядка, обеспечивающего] вечное единство» [12, с. 35]. Теократическое мировоззрение современников философа из Кузы, несомненно, представляло людям такой шанс. Однако в современном поликультурном и секуляризованном, цифровом и во многом виртуальном мире метафизическое присутствие единого Бога неминуемо оказывается частным суждением, непродуктивной иллюзией, блокирующей допустимость толерантного отношения к множественности религиозных (и других) опытов¹ и, следовательно, уводящей в сторону от решения проблемы специфики образовательной толерантности.

Между тем в гуманитарных исследованиях последнего времени дискурс толерантности обнаруживает в себе несколько устойчивых тенденций², в результате действия которых феномен «образовательной толерантности» оказывается в их тени. Среди них отметим прежде всего так называемый «топологический тренд» – модус

контекстуализации толерантности. Сразу заметим, что в привлеченных нами в анализ примерах ей приписывается высокая социальная значимость, которая обосновывает себя с точки зрения прав человека или морально-нравственных норм. В такого рода отображениях (в виду отмеченной ранее категориальной размытости) толерантность приобретает статус общечеловеческой ценности или символа. Поскольку по своей эпистемологической природе символ трансграничен, постольку появляется возможность его многообразного исследовательского употребления. Одно из них – микросоциологическое, связанное с областью регуляции межличностного взаимодействия. Так, например, поступают польские социальные психологи Б. Щэнх и И. Ростек, определяя толерантность как «чувство и объективность в отношении “иных” или тех, кто отличен от них убеждениями, поведением или происхождением» [14, s. 178]. В этом подходе толерантность предстает как атрибут индивида и некое сущее, которое он (в идеале) разделяет с другими участниками взаимодействия. Другой в этом залоге идентифицируем и сопоставим с идентифицирующим. Допустить, что взаимодействующие партнеры принадлежат разным культурным анклавам и пространственно-временным измерениям, а значит, могут использовать неконгруэнтные модели толерантности, данная методологическая конфигурация не позволяет. Наш анализ одной из типовых программ обучения толерантности, разработанной польскими педагогами, показывает доминирование в ней задач *просвещения* учащихся (общее для всех знание) и приобретения ими *эмпатических навыков* (солидарные действия) в групповой коммуникации [15, s. 7]. В основе эмпатии лежит психологический механизм сопереживания, обеспечивающий обмен сочувствием и, следовательно, взаимоуподобление. В топологическом плане это означает одномирие, в котором реализуются отношения толерантности. Или, другими словами, с помощью идеи толерантности во взаимодействии конструируется общая (разделяемая) социальная идентичность.

Это же пространственное полагание использует и другой польский психолог – Е. Базаняк. В основу своего определения толерантности он кладет тезис «сознания границ». Автор пишет: «Без разумения границ своего и чужого в сообществе мы не можем понять смысл. В психологии чуждость связана с чувством непонимания другого (их), проявляющемся в восприятии другого как иного и удивительного. Ощущение чуждости, как правило, связано с чувством угрозы. Все, что непонятно, непредсказуемо, осознается как опасность. Граничные отношения категоризируются как близкое и далекое, чужое» [16, s. 323]. Границы в его трактовке не являются продуктом или эффектом взаимодействия, а предсуществуют, поскольку граничное сознание является их следствием. О каких ситуациях свидетельствует представленный выше тезис? По всей видимости, так представленное «граничное сознание» относимо

¹ Как заметил У. Джеймс, среди религиозных людей «вряд ли кто-нибудь считает достойным серьезного внимания представление о множестве конечных богов» [13, с. 409].

² В данном изложении мы будем апеллировать главным образом к центрально-европейским исследованиям, поскольку социальная и культурная неомогенность в этом регионе более выражена, чем в Беларуси или Узбекистане (авт.).

к обстоятельствам, которые А. Щюц именуем «ситуациями иммигранта»¹. В этом случае толерантность приобретает значение приспособительной реакции, терпимого отношения и присвоения опыта дружности, который обеспечит проницаемость социально-психологических границ. Как и в случае Щэнха и Ростека, топология толерантного взаимодействия апеллирует к принципиальной общности символического мира участвующих в нем сторон, вернее, учреждает эту общность. Обучение толерантности при такой ее трактовке оборачивается тренингом этнографической чувствительности, сознания культурно-лингвистической относительности и практики компромисса. То, насколько такого рода решение соответствует реалиям диверсифицированного мира, составляет отдельную проблему, требующую обсуждения.

Следует отметить, что исследования Е. Базанья указывают еще на одну тенденцию в дискурсе толерантности, которую можно условно обозначить термином «антропоцентризм». Последний означает рассмотрение толерантности сквозь призму человеческого сознания или с *человеческой точки зрения*. В указанном контексте становится более определенным замечание польского психолога Б. Штумской: «Первой областью нетолерантности является человек. Недостаток толерантности в отношении себя выражается в целом либо некоторых черт характера. Неприятие себя продуцирует неприятие другого человека, поэтому нетолерантное поведение имеет место в микросредах, в которых человек функционирует: семье, группе ровесников, профессиональных группах и т. д. Причиной недоразумений является недостаток знаний о другом человеке, трудность его понимания, поверхностность восприятия и трактовки мотивов его поведения. Наиболее трагические последствия нетолерантности влекут за собой идеологическое отчуждение, интегрзм (отказ от смены доктрин), расизм, проявляющиеся в отношениях между большими социальными группами» [17, с. 328]. В ее изложении нетолерантность фигурирует как психологическая недостаточность, обусловленная той или иной внутренней неполнотой индивида, проецируемой в социальный мир. Обучение толерантности, опирающееся на предположения Штумской, приобретает характер психологической коррекции интолерантного самосознания, обучения самопринятию и приемам конструктивного общения. Данная практика замыкается на сознании индивида, вынося за скобки те социокультурные переменные, которые конституируют сам феномен «внутреннего мира». В нашем случае это означает включение в конструкт образовательной толерантности социокультурных переменных, что в методологическом плане означает необходимость выхода за границы «психологии сознания» в пространство взаимодействия культурных программ это сознание определяющих. Или, другими сло-

вами, обучение толерантности в качестве социального регулятора человеческих отношений в современном мире должно включать в свою структуру психологический механизм трансгрессии, причем не в пространство межличностных отношений, а в область знаково-символических конститутивов гуманитарных реальностей.

Заключение. К развитию идеи знаково-символического полагания толерантности

Для подведения итогов проделанного выше анализа мы вернемся к контексту того понимания современности, о котором говорилось ранее. Мы имеем в виду такое полагание современной ситуации, которое определяет научную и образовательную позицию авторов данного текста. Сразу отметим, что оно не отрицает и не уточняет исследовательские и практические педагогические решения, которые выступили предметом нашего рассмотрения. Действие, которое мы стремились осуществить, можно назвать «распределительным». Его смысл заключается в прояснении роли и значения той практики толерантности, разработка которой сегодня нам представляется перспективной. Из этого следует, что она проектируется нами *не вместо*, а *рядом* с теми, ценными, на наш взгляд, опытами, которые были затронуты настоящим анализом, и теми, которых наше внимание пока не коснулось.

В данном случае мы ведем речь о фундаментальном изменении в нашей социокультурной жизни, фигурирующем в гуманитарном дискурсе под именем «событие». Его трактовка связана с неким происшествием, в результате которого прежнее течение жизни радикально изменяет свое направление, или, говоря словами С. Жижека, событие соотнобразует с «удивительным возникновением нового, которое подрывает всякую устойчивую схему» [18, с. 16]. В этом заключении мы затронем только одно измерение толерантности, традиционно связываемое, как было показано выше, с апелляцией к внутреннему миру индивида. Речь идет о том, что установка на психологическую трактовку явлений бытия человека и человеческих сообществ, сформулированная Н. Кузанским, несомненно, до сих пор выдерживала испытание временем.

Событие, о котором говорим мы, резко меняет субъективную диспозицию. Искусственный, фабрикуемый средствами массовой информации и коммуникации мир создает не только новую (виртуальную) среду обитания человека, но и качественно изменяет его отношение с самим собой. Прежде всего изменение затрагивает разделение внутреннего и внешнего. Между ними возникает мерцающая граница. Самообращенный индивид в лучшем случае способен обнаружить в себе культурные (артефактные) радикалы, следы социокультурных программ и бесконечно мимикрирующих знаков. Как следствие, «Я» как точка отсчета в организации высказывания и социального действия теряет свою надежность. Сам индивид, равно как и другой, должны обнаружить себя в статусе структур непрерывного семиогенеза. Это значит, что форма толерантности начинает связываться не с субстанциональными организованностями индивидов,

¹ Под «чужаком» будет пониматься взрослый индивид нашего времени и нашей цивилизации, пытающийся добиться постоянного признания или, по крайней мере, терпимого к себе отношения со стороны группы, с которой он сближается [8, с. 533].

а теми семиотическими диспозициями, которые создаются, реализуются и дереализуются в коммуникациях. В этом случае обучение толерантности означает приобретение опыта ориентации в знаково-символической среде, ячейкой в сети которой проявляется сам индивид. Из этого следует, что психологический механизм толерантности, действующий в данных обстоятельствах,

должен быть описан в плане самоотношения в терминах динамической самореферентности, а связь с другим – в языке межзнаковых интеракций. Решение этой задачи и составляет основное содержание разрабатываемого международного проекта по развитию образовательно специфицированной толерантности. Но об этом в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бафаев, М. М. Структура и критерии классификации толерантности / М. М. Бафаев // Освіта та розвиток обдарованої особистості. – 2019. – № 3 (74). – С. 44–51.
2. Ségur, C. L'Explosion de la communication à l'aube du XXIe siècle / C. Ségur, Ph. Breton, S. Proulx // Questions de communication. – 2003. – № 4. – P. 432–434.
3. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн ; пер. с англ. – Киев : Ника-Центр, 2003. – 432 с.
4. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс, К. Бердсолл ; пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
5. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман ; пер. с англ. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.
6. Roth, S. Digital transformation of social theory. A research update / S. Roth // Technological Forecasting and Social Change. – 2019. – V. 146. – P. 88–93.
7. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. Л. Добросельского. – М. : АСТ, 2018. – 352 с.
8. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц ; пер. с нем. и англ. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. – 1056 с.
9. Карлей, Ж. Дидактические модели и проблема обучающей дискуссии / Ж. Карлей, Б. ван Урс // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 20–26.
10. Меньшиков, Андрей Сергеевич. Философские основания теории толерантности в трактате Николая Кузанского «О религиозном мире» : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / А. С. Меньшиков ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2006. – 42 с.
11. Dursun-Bilgin, M. The role of communication in tolerance education / M. Dursun-Bilgin [et al.] // Quality & Quantity: International Journal of Methodology, Springer. – 2017. – V. 52(2). – P. 1179–1186.
12. Кузанский, Н. О мире веры / Н. Кузанский // Вопросы философии. – 1992. – № 5. – С. 29–53.
13. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс ; пер. с англ. – М. : Наука, 1993. – 432 с.
14. Szczęch, B. Tolerancja młodych, wykształconych Polaków / B. Szczęch, I. Rostek // Article in Studia Paedagogica Ignatiana. – 2016. – December. – S. 178–192.
15. Małek, M. Scenariusz zajęć „Uczmy się tolerancji”. Realizowany w ramach kompleksowego wspomogania szkoły / M. Małek. – Warszawa : Ośrodek Rozwoju Edukacji, 2019. – 10 s.
16. Bazaniak, J. Inność obiektem tolerancji. Kształtowanie postaw tolerancyjnych u dzieci w wieku wczesnoszkolnym w ich środowisku edukacyjnym / J. Bazaniak // Poznańskie Studia Teologiczne. – 2009. – T. 23. – S. – 323–357.
17. Sztumska, B. Wychowawcze aspekty tolerancji / B. Sztumska // Humanistyczne podstawy tolerancji ; red. S. Folaron. – Częstochowa, 1992. – S. 74–79.
18. Жижек, С. Событие. Философское путешествие по концепту / С. Жижек ; пер. с англ. Д. Я. Хамис. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – 240 с.

REFERENCES

1. Bafaev, M. M. Struktura i kriterii klasyfikacji tolerantności / M. M. Bafaev // Osvita ta rozvitok obdarovanoi osobistosti. – 2019. – № 3 (74). – С. 44–51.
2. Ségur, C. L'Explosion de la communication à l'aube du XXIe siècle / C. Ségur, Ph. Breton, S. Proulx // Questions de communication. – 2003. – № 4. – P. 432–434.
3. McLuhan, M. Galaktika Gutenberga: Sotvorenje cheloveka pechatnoj kul'tury / M. McLuhan. – Kiev : Nika-Centr, 2003. – 432 s.
4. Giddens, E. Sociologiya / E. Giddens, K. Berdsoll. – M. : Editorial URSS, 2005. – 632 s.
5. Bauman, Z. Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva / Z. Bauman. – M. : Ves' Mir, 2004. – 188 s.
6. Roth, S. Digital transformation of social theory. A research update / S. Roth // Technological Forecasting and Social Change. – 2019. – V. 146. – P. 88–93.
7. Wittgenstein, L. Filosofskie issledovaniya / L. Wittgenstein. – M. : AST, 2018. – 352 s.
8. Schütz, A. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom / A. Schütz. – M. : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2004. – 1056 s.
9. Carpay, J. Didakticheskie modeli i problema obuchayushchej diskussii / J. Carpay, B. Van Oers // Voprosy psihologii. – 1993. – № 4. – S. 20–26.
10. Men'shikov, Andrej Sergeevich. Filosofskie osnovaniya teorii tolerantnosti v traktate Nikolaya Kuzanskogo «O religioznom mire» : avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk : 09.00.03 / A. S. Men'shikov ; Ural. gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. – Ekaterinburg : [b. i.], 2006. – 42 s.
11. Dursun-Bilgin, M. The role of communication in tolerance education / M. Dursun-Bilgin [et al.] // Quality & Quantity: International Journal of Methodology, Springer. – 2017. – V. 52(2). – P. 1179–1186.
12. Kuzanskij, N. O mire very / N. Kuzanskij // Voprosy filosofii. – 1992. – № 5. – S. 29–53.
13. William, J. Mnogoobrazie religioznogo opyta / J. William. – M. : Nauka, 1993. – 432 s.
14. Szczęch, B. Tolerancja młodych, wykształconych Polaków / B. Szczęch, I. Rostek // Article in Studia Paedagogica Ignatiana. – 2016. – December. – S. 178–192.
15. Małek, M. Scenariusz zajęć „Uczmy się tolerancji”. Realizowany w ramach kompleksowego wspomogania szkoły / M. Małek. – Warszawa : Ośrodek Rozwoju Edukacji, 2019. – 10 s.
16. Bazaniak, J. Inność obiektem tolerancji. Kształtowanie postaw tolerancyjnych u dzieci w wieku wczesnoszkolnym w ich środowisku edukacyjnym / J. Bazaniak // Poznańskie Studia Teologiczne. – 2009. – T. 23. – S. – 323–357.
17. Sztumska, B. Wychowawcze aspekty tolerancji / B. Sztumska // Humanistyczne podstawy tolerancji ; red. S. Folaron. – Częstochowa, 1992. – S. 74–79.
18. Žižek, S. Filosofskoe puteshestvie po konceptu / S. Žižek. – M. : RIPOL klassik, 2019. – 240 s.